

(в вождестве) реально выполнял функции отца, обеспечивая калымом членов дружины, т.к. брачность являлась основным маркером социальной полноценности, то в советский период эту функцию выполняло государство в лице «вождей, партии и правительства». При этом проводилась политика по разрушению биологических родственных отношений внутри «семьи», начиная с ранних этапов социализации – «дедунка Ленин», феномен «Павлика Морозова», т.к. социальной опорой авторитарной/тоталитарной власти (харизматического лидера) всегда является молодежь. Конструирование «духовного родства» с целью формирования легитимности власти также осуществлялось посредством ритуальных практик («генеральный секретарь как верный продолжатель дела»).

БУГАНОВ Александр Викторович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), buganov@rambler.ru

РОССИЙСКИЙ (СОВЕТСКИЙ) ФУТБОЛ. ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В советское время футбол превратился в вид спорта номер один по массовости и степени зрительского интереса. Складывалась разветвленная клубная система. Долгое время для советского футбола был характерен желобительский характер. Противопоставление советского «любительства» и буржуазного «профессионализма» окончательно рухнуло лишь во второй половине 1980-х годов. Популярность футбола обусловила определенную стратификацию общества в зависимости от болельщических пристрастий. Столичное «Динамо» патронировалось НКВД (МВД), «ЦДКА» (впоследствии – «ЦСКА») – армией. Большая часть болельщиков перешла на сторону московского «Спартака», который не поддерживался силовыми структурами. В матчах между «ведомственными» командами и «Спартаком» в некоторой степени прослеживался социальный протест. Для многих болельщиков в условиях жесткой регламентации общественной и частной жизни футбол был одной из немногих территорий свободы. Каждый матч становился наглядным уроком того, что успех человека зависит не от членства в КПСС, а от мастерства, волевых качеств и сыгранности с партнерами. В поздние брежневские времена вокруг футбольных клубов стали собираться довольно примитивные, но все же структуры гражданского общества – объединения «фанатов». Попытки комсомола взять этот процесс под свой контроль не удалась. Сегодня большой спорт, особенно футбол, стал символом глобализации. В полной мере затронули футбол войны идентичностей. Очевидная взаимосвязь спорта и состояния национального самосознания. Как никакой другой вид спорта, футбол способен как консолидировать, так и разъединять большие группы людей.

ГАЛЛЯМОВА Альфия Габдульнуровна

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань), alfiya1955@gmail.com

РОЛЬ КРЫМСКОГО ОБЛЛИТА В ДЕФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНО-ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В 1944–1945 гг.

18 мая 1944 г., после освобождения Крыма от гитлеровских войск, весь крымско-татарский народ был обвинен в

«измене родине» и выселен из Крыма. Депортация крымских татар не ограничилась только их изгнанием с исконных территорий. Архивные документы Крымского обллита за 1944–1945 гг. свидетельствуют о том, что власти ставили перед собой цель стереть память о существовании в Крыму татарской культуры. Цензурный орган возобновил здесь свою работу сразу после изгнания вермахта с территории полуострова. Но до сентября 1944 г. Крымский обллит оставался малоэффективным, в его штате числился лишь один сотрудник. В сентябре штат был полностью укомплектован, и обллит приступил к крупномасштабной работе по чистке библиотек и книготорговой сети Крыма. Помимо штатных сотрудников в работе участвовали присланные из Москвы 25 уполномоченных. Из обращения изымались все книги на крымско-татарском языке, независимо от их содержания. Запрещались и книги, не имевшие прямого отношения к крымско-татарской культуре, если их авторы выпадали из легитимного советского пространства. Важной частью деятельности обллита было следование идеологическому курсу на регулирование негативных явлений советской действительности. Но главная миссия обллита Крыма заключалась в вытравлении из социальной памяти каких-либо ассоциаций полуострова Крыма с крымскими татарами, уничтожение их духовной культуры.

ГРАМАТЧИКОВА Наталья Борисовна

Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), n.gramatchikova@gmail.com

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ VS СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ: ДИНАМИКА СОВЕТСКИХ И ПОСТСОВЕТСКИХ НАРРАТИВОВ ЗАВОДЧАН

Становление коллективной идентичности «новых рабочих» с 1920-х годов происходило во многом средствами литературы, активно формирующейся на стройплощадках заводов-гигантов. «Рабочие поэты» сами переживали кризис идентичности, при котором требование прозрачности биографии «нового человека» входило в конфликт с семейной памятью, ставшей опасным наследством. Это проявилось в практике смены фамилий: Б. Ручьев (Кривошеин), М. Люгарин (Заболотный), Н. Белова (Кондратовская). Разрыв семейных связей был желаем властью: в повести Л. Овалова (Шаповалова) о строительстве Уралмаша появляется героиня с чертами автохтонности («Первая смена», 1935); поэма Б. Ручьева «Зависть» (1933), посвященная деду, вскрывает механизмы инверсии разрушительных эмоций. Коррекция идентичности заводчан-уральцев происходит в 1960–1970-х годах, героизирующих и романтизирующих «время начала». Исчерпанная логика индустриального освоения сменяется этнокультурной парадигмой (легенды Н. Кондратовской), образы которой не противостоят базовым советским дискурсивным практикам. Ее лирическая интонация созвучна развивающимся в это время в Европе практикам апроприации городского пространства (Ф. Хундертвассер «Ваше оконное право», 1972). Парадокс состоит в том, что семейная память заводчан оказывается не включенной в этот нарратив, автобиографическая же попадает в него фрагментарно: рукописи воспоминаний свидетельствуют о работе по легитимации памяти. Постсоветские нарративы характери-

зуются многочисленными компенсаторными мотивами. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00553А «Первостроители как перформативный проект: конструирование дискурсивной идентичности уральских рабочих в текстах 1930-х и 1970-х».

ГРИНЬКО Иван Александрович

*Государственное автономное учреждение культуры «Московское агентство организации отдыха и туризма» (Москва),
IAGrinko@yandex.ru*

ШЕВЦОВА Анна Александровна,

*Московский педагогический государственный университет (Москва),
Ash@inbox.ru*

**СОМАТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ В ДИСКУРСЕ
ОФИЦИАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ САТИРЫ**

В современном российском обществе бытует масса негативных стереотипов о соматических модификациях и их носителях. Согласно исследованиям Левада-центра, абсолютное большинство россиян не приемлют пирсинг (82%) и татуировки (78%). Очевидно, что корни данной проблемы находятся в советском культурном поле, и для лучшего понимания текущей ситуации необходимо обратиться к истории советского периода. Однако здесь мы сталкиваемся с двумя очевидными трудностями. Во-первых, отношение к соматическим модификациям сильно варьировало и в относительно короткий период советской истории; во-вторых, в силу табуированности темы, источниковая база по ней довольно скудна и разнородна. По этой причине мы решили обратиться к довольно нестандартному источнику для изучения соматических модификаций – официальной сатире, в частности, карикатурам и другим визуальным материалам сатирического журнала «Крокодил». Исходя из полученного материала, можно сделать вывод о том, что несмотря на негативную оценку в официальном дискурсе, соматические модификации, прежде всего, татуировки, были распространенным явлением в советской повседневной культуре и, более того, разрешенным объектом для шуток. Даже в сатирическом дискурсе они были приметой не только маргинальных или априори негативных персонажей, вроде преступников или иностранных наемников, но и просто лиц, отличающихся «аморальным поведением», моряков, туристов и даже inferнальных существ. Кроме того, на основании данного визуального источника можно проследить динамику сюжетов и частично восстановить образы татуировок советского периода.

ГУРАРИ Марк Натанович

Союз московских архитекторов (Москва), losin3@yandex.ru

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОВЕТСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ
И О СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ В АРХИТЕКТУРЕ
СТОЛИЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РАЗНЫХ ВРЕМЕН
(1920–1950-Е ГОДЫ): СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ**

Здания Наркомзема (архитектор А.В. Щусев, 1928–1933) и Центросоюза (Ле Корбюзье 1928–1936) строили, когда конструктивизм главенствовал в России, Германии, Франции. Несмотря на ограниченность стилевых конструктивистских приемов, здания создают заметно различающуюся среду для работающего человека, вызывают разные представления о городе, о государстве. Архитектурная среда Наркомзема пронизана оптимизмом, бодростью созидания

нового человека, духом освобожденного труда; членения здания усиливают связь с окружающим районом. Корбюзье в своей первой общественной постройке, рациональной и аскетичной, воплощает иной идеал города, где современный человек призван обогнать других в деловой гонке. «Чтобы выиграть, “орудовать делами”, ... нужно двигаться как можно быстрее. Выигрывает город, хорошо оборудованный». Критика отмечала высокий профессионализм и одновременно бездушные архитектуры Корбюзье, близость идеям протестантизма, тогда как работавшие в СССР немецкие градостроители создавали среду, формирующую социалистического человека. Контрастно решено возведенное неподалеку здание Минтрансстроя (А.Н. Душкин 1947–1951) – офисное пространство архаично, без рационализма Корбюзье, с утраченной демократического духа постройки Щусева. На фасадах – атрибуты т.н. «сталинского ампира», по настоянию И.В. Сталина добавлен пилль со звездой. Здание ярко выражает патриотическое единение советских людей того периода, по мнению историков архитектуры является частью коллективного монумента Победы, составленного из послевоенных московских «высоток». В сопоставлении подобных построек Москвы, Новосибирска, Хабаровска, других городов выявляется различие представлений разных мастеров и времен о советском человеке и советском городе.

ДИАНОВА Ксения Андреевна

*Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск),
pheiruz@mail.ru*

**МОДА В СТРУКТУРЕ
СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

С глубокой древности одной из форм самопрезентации и культурной идентификации любого общества была мода – феномен, определявший, какие предметы материальной культуры являются наиболее востребованным в ту или иную эпоху. мода во все времена служила отражением нравов своего времени, состояния экономики и политической ситуации, мгновенно реагируя на любые изменения в виде популярности новых фасонов, цветов и фактур. Исследователями была установлена закономерность, что в эпохи, связанные с большим ужесточением режима, появлялась регламентация моды вплоть до детальных предписаний к внешнему облику. В частности, в периоды усиления контроля со стороны государства усиливалось вмешательство в моду со стороны властей – наиболее ярко это проявилось в советскую эпоху. В период зарождения и становления советского государства была предпринята попытка разрушения прежней системы моды, зависимой от общеевропейских тенденций путем построения новой эстетической модели, основанной на большевистской идеологии. Результатом этого стало формирование к 1930-м годам особого феномена «социалистической моды», который будет существовать на протяжении всей истории СССР. Первоначально большевики воспринимали западную моду как нечто антагонистическое их идеологии, как олицетворение буржуазных пережитков, что нашло свое отражение и в восприятии феномена социалистической моды на Западе. В то же время уже в 1930-е годы советская мода начинает перенимать элементы западной, в результате чего дальнейшее развитие моды в СССР происходило в русле общемировых тенденций.